Карман ворон

Автор:
Джоанн Харрис

Карман ворон

Джоанн Харрис

Young Adult. Графические романы Джоанн Харрис

В жизни все идет своим чередом. За зимой приходит весна, за тьмой – свет. Нынче Майский канун и второе за месяц полнолуние. Пора ведьмам отправляться в путь.

У нее нет имени. Сегодня она лисица. Она может принимать обличье совы, зайца, форели или выдры. Люди убили бы ее, если могли.

Но в эту особенную ночь все изменится. Она повстречает в лесу прекрасного юношу и предстанет перед ним в своем настоящем обличье, совершенно не подозревая, к чему это ее приведет.

«Карман ворон» – красивая история о любви, потере и мести. Потрясающая и оригинальная современная сказка от Джоанн Харрис, автора знаменитого романа «Шоколад», который получил экранизацию с Жюльетт Бинош и Джонни Деппом в главных ролях. Сегодня книги Харрис любимы миллионами читателей во всем мире. Ее проза поэтична, а сюжеты необычны.

Издание содержит шикарные иллюстрации английской художницы Бонни Хелен Хокинс, которая известна своими традиционными пейзажами и графическими рисунками.

Джоанн Харрис

Карман ворон

Joanne M. Harris

A Pocketful of Crows

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Copyright © Frogspawn LTD, 2017

Illustrations © Bonnie Helen Hawkins, 2018

© Н. Павлива, перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2022

Майский канун[1 - Праздник весны. Отмечается в ночь с 30 апреля на 1 мая. Считается ночью ведьм.]

Как кора, моя кожа темна,

И черны, как терновник, глаза,

Я, как ветер, легка и быстра,

И, как лань, я пуглива, дика[2 - Здесь и далее стихи в переводе О. В. Павливой и Н. В. Павливой.].

«Баллады Чайлда»[3 - Собрание из 305 традиционных баллад Англии и Шотландии, составленное Фрэнсисом Джеймсом Чайлдом в конце XIX в.], баллада 295

1

В году все идет своим чередом. За зимой приходит весна, за тьмой – свет. Точно дерево на токарном станке, вращается мир, и на нем вытачиваются сезоны и месяцы. Нынче Майский канун и второе за месяц полнолуние. Нынче день весны и Голубая луна[4 - Голубая луна – событие, когда за один месяц происходит два полнолуния. Голубая луна и есть вторая полная луна месяца.]. Пора ведьмам отправляться в путь.

Сегодня я лисица. Могла бы быть жаворонком, совой, зайцем, волком или выдрой – странствующий народ способен принять любое обличье. Но сегодня – в эту особенную ночь взметающихся до небес костров и полетов ведьм – я лисица.

Я оставляю одежду у костра: юбку из перьев, плащ из волчьей шкуры, ожерелья из полированных камней. Обнаженная, кружусь в свете костра и луны – огненно-золотая, молочно-серебряная. Теперь мне слышны звуки ночи: какой-то зверь лакает воду из ручья, мышь пищит в высокой траве, совы перекликаются в ветвях деревьев, тик-такает жук-точильщик в лежащем бревне. Доносится дурманящий запах сирени. Я устремляю взгляд вдаль – лисица совсем рядом, дремлет в теплой норе. Почуяв меня, навостряет уши. К ней прижимаются три пухленьких сытых детеныша, напоенных теплым молоком. Лисица тревожится оттого, что я, незнакомка, так близко.

Я пробуждаю в ней настойчивое желание пробежаться под звездами. Она вскидывает морду и скалится, настороженная, но в то же время заинтересованная. Я навеваю на нее ощущение прохлады ночного воздуха, мшистой земли под подушечками лап, чувство голода в животе. Дрожа, отворачиваюсь от костра и направляюсь в лес. Земля под босыми стопами мягка, влажна и холодна. Она пахнет дождем и пролесками. Свет луны, струящийся сквозь ветви деревьев, расцвечивает мою смуглую кожу серебряными полосками. Лисица – огненно-рыжая, как угольки под дымком, с белой шеей и грудью – пристраивается рядом.

Ароматы леса становятся ярче, насыщеннее, паутиной сияющих нитей они расходятся во всех направлениях. У лисицы густой теплый мех, и я уже не дрожу. Некоторое время бегу рядом с ней, ощущая ее силу и упоение охотой, проходящей под Голубой луной, с витающим в воздухе обещанием крови и близкого лета. Еще один миг, и мы с ней – единое целое.

Дикие звери по-иному чувствуют голод. Мой голод тих, как зима, и умерен, как старость. У лисицы же он алчный и бурный. Гонимая им, она вынюхивает в дерне лягушек и щелкает зубами, пытаясь поймать в мерцающем воздухе мотыльков. Мы достигаем реки – тут полевки и крысы, но они слишком мелки. Я бегу вдоль реки до поляны, а оттуда – до окраины деревни, где так сильно пахнет добычей. Иду по следу курицы-пеструшки до деревянного курятника и безжалостно оставляю от птицы только перья да пух.

Окольцованная серебром луна – знамение. Воздух по-летнему сладок. Желудок полон. С окровавленной пастью неспешно прогуливаюсь в луговом тумане вдоль зарослей боярышника на границе деревни. Почувствовав дымок, отпускаю лисицу, давая ей возможность уйти к детенышам. Обнаженная, уже в своем теле, ложусь в осоку. Слушаю звуки ночи, яснее других различаю перекличку сов и любуюсь долгим и медленным танцем звезд.

Сегодняшняя ночь знаменует приход лета. Я видела уже четырнадцать летних сезонов.

Темноту озаряют костры и свет разожженных домашних очагов. Цветет боярышник. На его ветвях развешаны любовные амулеты. В круге камней, опоясывающих волшебное майское дерево, танцуют деревенские девушки с горячими сердцами. Они нежны, мягки и белокожи. Их смех подобен гомону прирученных гусей: с подрезанными крыльями, откормленных, упитанных, послушных. Селянки точно свежевыпеченный хлеб. У них цветущий вид и шелковистая кожа. Их заплетенные в косы волосы сияют, как закатное солнце.

Я не такая. Я смуглокожа, дика и быстра. Охочусь с совами, танцую с зайцами и плаваю с форелью и выдрой. В деревни я заглядываю только в обличье крысы или лисицы. Для моего народа деревни опасны. Люди убили бы нас, если могли бы. Но сегодняшняя ночь повлияла на меня. После охоты еще поет кровь, и я не спешу уйти от боярышника, где лежу, дыша ароматом свежей травы и слушая доносящиеся с поляны голоса.

На стелющейся вдоль боярышника тропинке раздаются шаги. Девушка с волосами цвета примулы останавливается возле волшебного дерева. Так это дерево называют люди, хотя о волшебстве они не знают ровным счетом ничего. Но амулеты – кроличью лапку или имя, вышитое на кусочке красной ткани, – могут использовать даже селянки. Любовный талисман, оставленный в Майский канун под Голубой луной на волшебном дереве, даже деревенской девушке способен подарить волнующее чувство приближения лета.

Волшебным деревом выбран боярышник. С переплетенными и скрученными ветвями, дряхлый, как сама старость, обглоданный омелой, обложенный кругом из камней, который люди называют волшебным кольцом. Каждый раз я говорю себе: может, в этом году он умрет. Однако каждый год на искривленных и изломанных ветвях вновь набухают бледные почки. Волшебное дерево не сдается. Оно цветет не больше недели. Но каждый год этот боярышник оживает и плодоносит горстью алых ягод.

Девушка принесла амулет, как и другие селянки. Любовный амулет или заговор на красоту. Я наблюдаю из-за боярышника, как она привязывает его к ветви. В лунном свете поблескивают волшебные камни.

Сегодня ей, беспокойно спящей в девичьей постели, приснится юноша. Возможно, потом она долго будет смотреть в окно на яркую майскую луну. А завтра или послезавтра приснившийся юноша наконец увидит ее – девушку, которую встречал много раз, но никогда не замечал, – и удивится, как раньше

был слеп.

После ее ухода я снимаю амулет. Девушка подумает, что его забрали феи. Это лоскуток ткани кровавого цвета – видимо, оторванный от нижней юбки, – продетый в отполированный ведьмин камень[5 - Камень с природным отверстием. Его еще называют: «куриный бог», «собачье счастье», «счастливый камень».]. Когда-то у меня был такой талисман, но я давно его потеряла. Где девушка нашла свой? Сколько времени потратила на вышивание при свете свечи? Какое имя произнесла, завязывая нить узелком?

Я рассматриваю крохотные стежки. Пять вышитых шелковой нитью малюсеньких буковок. Читать я не умею – меня некому было учить. Но я знаю буквы – волшебные значки, говорящие со страниц или с могильной плиты. Они обладают силой, но люди ее не разумеют. Буквы много значат. Они складываются в слова. А слова – почти во все что угодно: закон, летопись, ложь.

Буквы вышитого имени юноши: У-И-Л-Ь-М. Это имя дала ему мама. Это имя возлюбленная будет в темноте шептать ему на ухо. Это имя выгравируют на могильной плите, под которой он будет лежать.

У меня имени нет. У странствующего народа нет ни имен, ни хозяев. После моей смерти не будет никакой могильной плиты. Никаких возложенных на землю цветов. Умерев, я стану тысячью живых существ – жучков и червячков – и буду странствовать вечно, до Конца Времен. Такова судьба странствующего народа, и иного нам не надо.

Я уношу амулет к себе в лес, в хижину из расколотых бревен, ивовых прутьев и мха, затянутую шкурами и орляком. Костровая яма с железным котелком находится снаружи. Голодная, я поджариваю закрученные рахисы папоротника с кусочком сала и душистыми травами. Над углями костра готовится подвешенная задняя часть тушки кролика.

Я привязываю амулет деревенской девушки над входом в мою хижину рядом с другими красивыми разноцветными вещами: стеклянной синей бусиной, желтой шерстью, выбеленным черепом сороки. Я собираю цветные предметы и прячу их в лесу.

Яркие вещи у осторожного странствующего народа запрещены. Цвет представляет для нас опасность, с ним мы видны врагу. Представители моего народа прячутся ото всех – даже друг от друга. Мы держимся особняком, никогда не показывая свои цвета.

Селянки носят яркие вещи: ленты на чепчиках, алые фланелевые нижние юбки. Они не боятся, им нравится быть заметными. Но коричневый цвет практичнее. Коричневый безопаснее. В лесу никто не заметит смуглую девушку, перепрыгивающую с ветки на ветку и скрывающуюся в папоротнике. В лесу я – лань, горностай, лисица и соловей. Смугло-коричневая, я живу среди деревьев. Темная, я не отбрасываю тени.

Я незаметна для людей из деревни, поэтому они меня не беспокоят. Лишь их собаки знают о моем пристанище и стараются не приближаться ко мне. «Я как-то уже съела пса и снова съем», – слышат они от меня. Я сижу на волчьей шкуре, одетая в домотканую юбку и кофту из воробьиных перьев, и пытаюсь увидеть в дымке костра, что готовит мне будущее.

Завтра наступит май – месяц цветов, месяц боярышника и пчел. Завтра на деревенской поляне будут веселье и танцы. Девушки украсят родники и колодцы цветами, оставят подношение Джеку-в-зеленом[6 - Британский лесной дух, хранитель хвойных и лиственных лесов.] и назовут одну из красавиц королевой Мая, увенчают ее голову цветочным венком. Но мне до этого нет дела. Мне не нужен венок. У меня есть лесные колокольчики и боярышник на краю деревни. И ни один юноша не пленит мое сердце словами любви и венцами. Ни один юноша не привлечет моего внимания. Когда начнется гон, я стану ланью и выберу самца себе по нраву. А потом убегу без оглядки.

Лисица спит в своей теплой норе в окружении маленьких пушистых детенышей. На холме в лунном свете выплясывает заяц-русак. Охотится сипуха. От нее удирает полевка. Я же задерну занавеску из оленьей шкуры и засну на своей узенькой постели из грубой шерсти и папоротника.

Май

Месяц пчел

Когда амброзия в мае цветет,

Гуляют ведьмы и молится народ.

Корнуэльская пословица

1

Сегодня я буду жаворонком, парящим в синеве небес. Или зайцем пробегусь по склону холма, схоронюсь в тени осоки и пожую первоцвет. Сегодня я сама не своя и не знаю, чего хочу и куда идти. Обгладывая на завтрак косточки под ласковыми лучами утреннего солнца, я жажду податься на просторы холмов.

Однако пищи еще мало, а на странствия нужны силы. После вчерашнего небольшого приключения я слаба, даже несмотря на силу, даримую амулетом селянки. Беру полевую сумку – амулет уже бережно спрятан в карман – и иду на берег реки, к своим ловушкам из ивовых прутьев. Может, в них попалась пара птах или даже кролик.

Сегодня мне везет. Я убираю в сумку четырех пойманных дроздов, несколько луковиц майских цветов и горсть рахисов папоротника – крепко скрученных молодых побегов, которые, как и люди, в начале развития нежны и мягки, но, вырастая, становятся жесткими и горьковатыми. Еды достаточно. Я разворачиваюсь, чтобы вернуться к себе, но тут раздается стук копыт. В четверти мили от меня рысцой скачет подкованный ездовой конь. Я торопливо ухожу с тропинки и прячусь в валежнике. Как только наездник проедет мимо, пойду своей дорогой.

Несколько минут спустя показывается гнедой конь с черной гривой и всадник в желто-зеленом жакете с цветочным венком на голове. Моя ладонь поспешно

тянется за амулетом селянки. Ведьмин камень защищает тех, кто не хочет быть увиденным. Он прохладен и гладок на ощупь. Красный лоскут меж моих пальцев горит язычком пламени.

Обычно я не поднимаю глаз – не желаю быть замеченной. Но сейчас любопытство берет верх. Хочется рассмотреть и коня, и наездника. Я осторожно выглядываю из-за веток поваленных деревьев – всадник как раз проезжает мимо меня. На солнце вспыхивают пуговицы его зеленого жакета.

Он из благородных. Это видно по его сапогам и по тому, как он смотрит вокруг – так, будто владеет этим лесом. У него гладкие блестящие волосы, и шкура его коня тоже лоснится. Зачем я разглядываю его? Может, я под действием амулета, который сжимаю в ладони? Я подношу отполированный камень к глазам и смотрю на всадника сквозь маленькое отверстие. Откуда-то знаю: он обернется. И знаю, что зовут его У-И-Л-Ь-М. Когда всадник оборачивается, я вижу, что он юн и красив.

В это мгновение великолепный гнедой конь спотыкается о камень. Юноша теряет равновесие и вылетает из седла. Конь встает на дыбы, дико вращает глазами и выбивает подковами искры из камней. Он забьет упавшего юношу копытами, а помочь некому. Я выскакиваю из своего укрытия и хватаю коня под уздцы.

Успокаивающие чары – и конь почти сразу усмирен. С дикими лошадьми такое не проходит. Они избегают наших прикосновений. Этот же конь объезжен. Нервничает, но приучен к узде. Я поворачиваюсь к его хозяину, лежащему на тропинке. Юноша еще слегка оглушен падением, но теперь вне опасности. Он лишь чуть постарше меня. Я привязываю коня к ближайшей ветви и собираюсь скрыться в лесу.

– Подожди!

Поворачиваюсь и встречаюсь с юношей взглядом. Глаза у него голубые, как крыло сойки.

– Кто ты?

Я не отвечаю.

Названное существо – прирученное существо. А мой народ всегда будет свободен и дик. Стоило сразу уйти от этого юноши. Люди зачастую опасны. Но я медлю. Он выглядит таким безобидным – распластавшийся на земле, с заляпанными грязью рукавами дорогого зеленого жакета и поцарапанной об куст ежевики щекой. И он видит меня – действительно видит. В его глазах блестит мое крошечное отражение. Наверное, поэтому мне хочется остаться, хочется слышать звук его голоса и видеть саму себя в его голубых глазах. Как правило, меня никто не видит. Даже когда я показываюсь, по-настоящему меня все равно никто и никогда не видит.

– Кто ты? – повторяет юноша. Его голос мягок, он подобен бархатной шкуре лани.

Я качаю головой.

– Не бойся. Кто ты? Где твоя родня?

Моя родня – это волки, зайцы и дикие пчелы. Это березы, косули и выдры. Это мой народ, путешествующий в дымке костров и странствующий вместе с лисицами, волками, барсуками и куницами. И я не боюсь.

Вздернув подбородок, отвечаю:

– В лесу.

– Тогда ты, должно быть, королева Мая. – Юноша встает и поднимает с земли слетевший с его головы праздничный майский венок, сплетенный из диких роз и листьев земляники. Он нежно опускает его на мои волосы. – У тебя есть имя?

Конечно же нет. Имена – для ручных существ. Имена – для тех, кто боится той свободы, которой обладаем мы.

Мысли возвращаются к амулету деревенской девушки, и я говорю:

– Я знаю твое имя. У-И-Л-Ь-М.

Юноша улыбается. Почему он не удивлен тем, что мне известно его имя? А, наверное, все селянки знают его имя. Знают его самого, видят сны о нем и выдыхают в подушку его имя. Он удивился бы, если оно не было бы мне известно.

На мгновение от его самоуверенности я теряю дар речи. Однако даже она не лишена толики очарования. Юноша напоминает мне молодого оленя, хвастающего своей первой парой рогов. Он столь же неловок, игрив и самодоволен. Есть в нем то, чем он отличается от своего народа, – некая дикость.

– Уиль-я-м, – пишет он на земле.

У-И-Л-Ь-Я-М. Еще одна буква! Видно, деревенская девушка написала его имя неверно.

– Уиль-я-м. – Его имя звучит так же нежно, как журчание родника.

Он вновь улыбается.

Я редко улыбаюсь. Просто некому. Теперь понятно, зачем я прошлым вечером сняла с волшебного дерева амулет. Понятно и мое беспокойство, и какое-то тянущее чувство. В моей жизни чего-то не хватало, а я этого даже не подозревала. Теперь же, прямо сейчас, я осознала, что именно так тянуло меня сюда и звало.

У-И-Л-Ь-М.

У-И-Л-Ь-Я-М.

Всего одна буква. Один росчерк. Тем не менее я ощущаю его. Внутри имени была пустота, похожая на отверстие в ведьмином камне. И эта пустота жаждала быть заполненной. Заполненной тем, что потеряно. И, глядя на начертанное на земле

едва различимое имя, я в глубине души понимаю: потеряна была Я.

2

Сегодня я треплемый ветром боярышник, колеблющийся и дрожащий. Я спала, прижав к себе цветочный венок, и утром тот все еще зелен, хотя розы увяли и поблекли, поэтому я становлюсь птицей – коноплянкой, коричневой и неугомонной. Я пою и летаю, летаю и пою, но даже это не отвлекает меня. Из головы не идет встреченный юноша. Я с легкостью забывала ручных молодых мужчин из деревни, а его забыть не могу.

Это болезнь? Почему свобода не приносит удовольствия? Солнечно, воздух свеж, небо сияет голубизной, ветер полнится обещаниями. Так почему же я сама не своя и не нахожу себе места? Почему больше не чувствую себя цельной? Почему сердце ноет, а я томлюсь, ярюсь и терзаюсь вопросами?

Я сбежала, когда юноша снова спросил мое имя. Он пытался последовать за мной, но в подлеске был слишком медлителен и неуклюж. Я пронеслась сквозь заросли и колючие кусты, следуя тайными тропками, известными лишь ланям и лисам, а потом пересекла реку на мелководье. Но У-И-Л-Ь-Я-М непостижимым образом остался со мной. Его имя слышалось мне в песне коноплянки и в дуновении ветра. Весь день с высоты небес я высматривала его коня и его зеленый жакет, чутко прислушивалась, надеясь уловить его голос. Не увидев и не услышав его, я наконец вернулась в свою хижину. Попробовала поесть – и не смогла; попробовала поспать – и не смогла; попробовала забыть его – и не смогла. Вместо этого мне вспомнилась песня людей, которую иногда поют юные девушки:

Взял я за руку, как лилия, белоснежную

Девицу-красавицу, чистую, нежную.

На зеленом да на мшистом берегу реки

Целовал уста, что, как мед, сладки.

А с наступленьем чуткого рассвета

Венком цветочным с ароматом лета

Под звон колоколов ее короновал

И королевой Мая дивною назвал.

Что это за колдовство такое? Что за хвороба? Я пытаюсь очиститься полынью и валерианой. Я не селянка, чтобы вздыхать по колокольному звону и пению птиц. Я не человеческая девушка, чтобы мечтать о свадьбах и венках. Не следовало мне снимать с боярышника амулет деревенской девицы. Боярышник мстителен, коварен и стар – обкрадывать его было ошибкой. Я вытягиваю из сердцевины ведьминого камня алый лоскут и кидаю его в огонь костровой ямы. Сам камень бросаю в ручей, тот донесет его до моря. Боярышник со временем позабудет о случившемся, и все вернется на круги своя. Однако, несмотря на избавление от амулета, Уильям остается занозой в моем сердце. Когда я все-таки засыпаю, мне снится летняя ночь с ним. Теплый и нежный, он на вкус как земляника и кровь.

3

Сегодня я пятнистая лягушка в озерных камышах. Озеро глубоко, черно, как трясина, и холодно из-за горных вод: в него впадает с десяток ручьев и водопадов. На возвышающихся над водой островках живут выдры. Сегодня идет дождь. Теплые капли мягко ложатся на землю, точно стежки на нежнейший шелк. А моей душе ничего не приносит радость: ни озеро, ни лес, ни дождь, ни небо – мой возлюбленный далеко, и без него все безрадостно.

Его зовут Уильям Мак-Кормак. Мне поведала об этом белоголовая ворона, которой поведала об этом черная овца, которой поведала об этом полосатая кошка, живущая в замке, окруженном сухим рвом. Замок принадлежит пожилому богачу сэру Джеймсу Мак-Кормаку. Он – лэрд[7 - Землевладелец, лорд.] этого участка земли, и Уильям – его единственный сын.

У странствующего народа нет ни замков, ни состояния. Мы не владеем ни землями, ни территориями. У нас есть горы, моря, озера, болота и реки. Они – наше наследие. Но Уильям однажды унаследует все то, чем владеет его отец: замок, земельные угодья, золото, отару овец и амбары с зерном. Все ручные существа, которыми владеет его отец, тоже перейдут ему в услужение. По

меркам моего народа Уильям будет богатым человеком. А расположения богатых людей, куда бы они ни пошли, всегда ищут и аристократки, и деревенские девушки, и простолюдинки, и куртизанки. Однажды Уильям влюбится и женится на полюбившейся девушке. Их имена громко произнесут в церкви, где они обвенчаются. На ней будет муслиновая фата, а на нем – венец. Надетое на ее палец золотое кольцо свяжет их навечно. И он уже никогда не будет моим и не посмотрит на меня с любовью. Кто ж полюбит смуглянку, которая не остается надолго в своем теле?

Зря я выбросила ведьмин камень. Такие камни – мощные амулеты. Посмотрев при свете сальной свечи в отверстие в его сердцевине, можно увидеть далекое море и, возможно, даже посмотреть сквозь замковые стены. Если бы я сохранила амулет, то полюбовалась бы на Уильяма, пока он спит. Я не сводила бы с него глаз, где бы он ни был и куда бы ни пошел, пока в конце концов не устала бы от этой игры. Но амулет утерян, а его чары сильны и не отпускают меня. Мне остается лишь надеяться, что я позабуду красивого юношу в зеленом жакете, который короновал меня венком из диких роз…

4

Сегодня я соловей у окна твоей спальни. Мое пение слаще меда, и все же ты меня не слышишь. Ты сидишь в покоях и читаешь книгу в переплете из красной кожи. Иногда ты вздыхаешь и устремляешь взгляд в окно, но не видишь меня и не знаешь, как жадно я смотрю на тебя с каменного подоконника.

У твоей постели лежит веточка боярышника. «Несчастья грозят тому, кто спит возле цветущей ветви боярышника». Вечером я проберусь в замок мышью, крысой или домашней кошкой, унесу приносящую неудачи ветку из твоей спальни, а вместо нее положу дикую розу – похожую на те, что ты оставил в моих волосах. Розовую розу, свежую от росы и нежную, как утренний свет. Тогда, возможно, ты подумаешь обо мне. А я-то уж точно не перестану думать о тебе.

Кошка мяукает во тьме. В другое время я никогда не выбрала бы ее. Домашние кошки в лучшем случае полудики: подлизываются и урчат, выпрашивая ласку или лакомства. Однако никого не удивит бродящая по замку кошка, никто ее не

прогонит. Отчего ты так вздыхаешь, милый Уильям? Отчего так тревожен? Я скребусь в твою дверь, и ты меня впускаешь. Я выгибаюсь и урчу от твоих поглаживаний.

– Киса, киса, – говоришь ты.

Почти имя. Как странно быть названной. Странно и ужасно. Ни один человек не даст мне имени – ни в облике кошки, ни в моем собственном. А Уильяма тянет к диким существам, иначе он никогда на меня не взглянул бы.

– Киса, киса.

Я запрыгиваю на шелковое покрывало. Твоя постель, размером с мою хижину, со всех сторон занавешена тяжелой парчой. Мои когти погружаются в золото и шелк. В очаге разожжен огонь, и по моей подсвеченной шерсти словно пляшут светлячки.

Тебе одиноко, Уильям? Позволь мне спать рядом с тобой. Сегодня я твоя спутница. Я буду охранять твой сон. Ни одна мышь и ни одна крыса не посмеет даже край усика сунуть в твои покои. Я буду лежать на твоей подушке и урчать, пока ты не станешь моим навсегда.

Так вот каково это – быть названным существом, быть прирученным существом, питомцем. Конечно же, это глупо и абсурдно. И все же как приятно находиться рядом с тобой, ощущать твои нежные поглаживания. Сегодня мне приятно быть ручной. К тому же, кроме меня, об этом никто не узнает. Я засыпаю, и рядом с тобой мне снится то, чего я ранее не знала и не хотела. Перед рассветом я возвращаюсь в свое тело – опасно слишком долго находиться в чужом, поскольку потом можно не найти себя. В своем теле я лежу на папоротниковой постели, думаю об Уильяме, улыбаюсь и смотрю на луну, убывающую на гобелене небес.

5

Сегодня я коричневая горная коза на скалистом склоне. Внизу, в деревне, вижу пастуха с его стадом и фермера с лошадью, запряженной в плуг. У церкви празднуют свадьбу. «Майское замужество – маета в супружестве». Тем не менее невеста в фате, похожей на защитную сетку пасечника, выглядит довольно счастливой. Жених и невеста создают собственный улей, и у них будет свой мед.

На этой неделе я все ночи провожу у постели Уильяма. Не охочусь с совой и не бегаю с лисицей, а ручной кошкой довольно урчу, любуясь Уильямом, когда он спит, или сижу на его коленях, когда он читает, и принимаю лакомства из его рук. Теперь я знаю, что поселившееся в моем сердце чувство – это не проклятье, не заклятие и не иллюзия. Оно столь же реально, как звездное небо, как горячая кровь крысы, пойманной мною прошлым вечером в замковой кухне. Это чувство – такое сильное и такое сладостное – реально и в то же время призрачно и незримо. Меня предупреждали о нем, но оно не кажется мне опасным. К тому же мой Уильям совершенно не похож на других человеческих мужчин. Он добрый, хороший, чувственный и заботливый. Ему не место за каменными стенами и бойницами. Уильям одинок, дик и страстно желает о ком-то заботиться.

Пока я поедаю вереск, пустельга взывает ко мне с высоты:

– Держись от него подальше! Держись от него подальше!

Она предупреждает меня об опасности. Странствующий народ быстро прознает о любом нарушении наших законов. Мое нарушение пока еще не является преступлением, но вызывает беспокойство.

– Держись от него подальше, – кричит пустельга. – Держись подальше от Уильяма Мак-Кормака.

Последние дни я слышала это предупреждение много раз: от овец с полей, от зайца из высокой травы, даже от диких пчел из лесного полога. «Пчелы, пчелы, умер прежний ваш хозяин. Послужите новому?»[8 - В XVIII–XIX вв. существовал обычай рассказывать пчелам о важных событиях в жизни их хозяина: рождении детей, свадьбах, отъездах из дома и возвращениях домой, о смерти и похоронах.]

Я сердито трясу на пустельгу рогами. Мне не нужны ее предупреждения. Я буду ходить в замок столько, сколько пожелаю, и никакой Уильям не поймает меня в

свои силки. И я буду всю ночь спать на его подушке кошкой. Не потому, что он мой возлюбленный, а потому, что мне так хочется. Никто не смеет указывать мне, что делать. И, возможно, тепло очага, шелк и золото покрывала, аромат Уильяма, ласка его поглаживающих шерсть пальцев и его бархатный голос…

Высоко в горах предупреждение пустельги издевательски подхватывают вороны:

– Берегись!

Но я уже в пути: сначала бегу лисицей, затем лечу соловьем, а после урчу кошкой. В ночи ругается сова: «Дура! Прирученная любовью дура!» И мышь, разжиревшая и расхрабрившаяся, кружит в свете гаснущего очага.

Июнь

Месяц роз

Лето пришло. На опушке

Пой, громко пой, кукушка!

Луг разнотравьем цветет,

Семя тянется ввысь, растет,

Облачается лес листвой.

Громко, кукушка, пой!

«Песня кукушки», XIII в.

1

Сегодня я жаворонок – кувыркающийся в облаках, оглашающий горные пики трелями, танцующий с радугой. Кто бы мог подумать, что такова любовь? Почему мне об этом никто не говорил?

Прошлой ночью я снова была полосатой кошкой, как и каждую ночь до этого всю последнюю неделю. Я лежала на подушке Уильяма и урчала, любуясь им, пока он спал. Но я более не чувствовала удовлетворения. Мне хотелось большего. И почему бы нет? Почему я должна отказываться от того, что дано познать любой деревенской девушке? Мой народ обладает разной властью. Почему нам запрещено любить? Такие мысли привели меня к возлюбленному не в облике лисицы или соловья, а в моем собственном – смуглом и обнаженном. Уильям распахнул ресницы и увидел меня. Из его глаз на меня взглянуло теплое солнечное лето.

– Как ты здесь оказалась? – спросил он. – Ты фея? Или все это сон?

Я покачала головой.

– Ты снилась мне с нашей первой встречи. Ты вышла из-за деревьев, как лесная лань. И когда внезапно исчезла, мне показалось, что от желания к тебе я сойду с ума.

– Я никуда не исчезала, – ответила я. – Я была здесь все это время.

Потом я познала близость не как лань, волчица или рысь, а впервые как женщина.

«Значит, вот она какая – любовь», – удивлялась я, когда мы лежали боком, кожа к коже: сочно-смуглая и сливочно-белая. Под ладонями и губами Уильяма я пела, как соловей, парила, как орел, выла, как волк, и кричала, как пума.

– Кто ты? – спросил он, когда мы обессилели. – Хотя бы скажи свое имя, чтобы я мог написать его на своем сердце.

Улыбнувшись, я не ответила.

– Как мне найти тебя? Я умру, если больше не увижусь с тобой.

– Я буду здесь, пока в море есть рыба, в ночи – звезды, в небе – птицы и в людских сердцах – мечты.

– Мне будет недостаточно этого времени, – прошептал Уильям и поцеловал меня.

Я жаворонком взмыла вверх, а спустилась вниз, смеясь и преисполнившись любовью. И поклялась вечно быть только его.

2

Сегодня я должна собрать хворост и все необходимое. Три дня моя хижина пустовала. Три дня костровая яма была холодна и ивовые ловушки никто не проверял. Этим утром я пришла сюда косулей. В солнечном свете над дверью сияли мои яркие вещи, а усевшаяся рядом белоголовая ворона хрипло прокаркала предупреждение. А еще этим утром ко мне пришел большой черный пес. Он сел возле меня, заглянул в глаза и прорычал: «Возвращайся домой! Возвращайся домой!»

Но Уильям не хочет, чтобы я уходила.

– Мне нет дела до твоей хижины, – говорит он. – Мне нет дела до твоих ивовых ловушек. Мой дом – замок. Ты – его королева. Ты будешь есть жареных цесарок и клубнику из моих теплиц. Будешь пить лучшие вина и наслаждаться вкуснейшей выпечкой.

Я пытаюсь объяснить, что, в отличие от людей, мой народ ведет другую – свободную и дикую – жизнь. Мы стелем себе постель под можжевельником и

странствуем в согласии с сезонами. Мы ничем не связаны – ни домом, ни семьей, ни именем. У нас их нет.

– Тогда возьми мое имя, – предлагает Уильям. – Мой род знатен и благороден. Я разделю с тобой свое имя, если ты останешься со мной. Мой богатый отец ушел на войну. Когда он умрет – что, возможно, случится вскоре, – я унаследую его состояние. У тебя будут золото, шелка и меха. Будут лошади и слуги. У тебя будет все что душе угодно, если ты останешься со мной.

Мне не нужны ни шелка, ни меха. Мне не нужны слуги. У меня есть шелк стрекозиных крыльев, белоснежная зимняя шубка зайца. У меня есть золото восходящего солнца и краски северного сияния. Я могу слиться с лошадью и галопом пронестись по заболоченным землям или вместе с дикими гусями полететь на юг, к солнцу…

Но ничего из этого я не могу сказать моему возлюбленному, смотрящему на меня с такой нежностью, поэтому обещаю остаться. Он смеется, снова опускает меня на свое ложе и задергивает вокруг нас парчовые занавески. Мы словно оказываемся в шатре странствующего вождя. Уильям говорит, что я его красивая смугляночка и что он лучше умрет, чем расстанется со мной.

3

– Ты моя красивая смугляночка, – говорит он.

Меня никто не называл так. Мой народ некрасив – во всяком случае, в том понимании, которое люди вкладывают в слово «красота». Мы не приемлем искусственности. Не пытаемся изменить себя, чтобы стать такими, какими не должны быть.

Выщипанные брови, разглаженные волосы, выбритые ноги – не для нас. Так же, как и ароматические масла, корсеты, прически и зеркала. Не для нас бигуди, румяна и пудра. Но ради Уильяма я попробую. Притворюсь ручной, если это поможет мне остаться с ним. Однако мои волосы – черничный клубок, который не поддается расческе. Мои глаза черны, брови густы, тело крепко и сильно. И

Уильяму нравится черный шелк волос на моих ногах и в подмышках. Нравится округлость моих грудей и мягкий изгиб широких бедер. Ему не нужно, чтобы я хоть как-то менялась. Вот только здесь, в его замке, чтобы не вышло скандала, его люди должны видеть меня в подходящей одежде, вымытой и благоухающей, умеющей читать письма и укладывающей волосы на манер деревенских девушек, которых я так презираю.

– Когда отец вернется с войны, – говорит Уильям, – я хочу, чтобы он дорожил тобой так же, как я.

– Ты будешь дорожить мной больше, если я буду в бархате, а не в волчьей шкуре?

– В бархате или волчьей шкуре, в дерюге или шелках – ты всегда будешь моей возлюбленной. Но мои люди должны уважать тебя. Я хочу, чтобы они называли тебя «моя леди». Хочу, чтобы они служили тебе так же, как служат мне. Кроме того, – обнимает он меня, – представь, какой красавицей ты будешь в шелковом платье и атласных туфельках, с жемчугами на шее.

И я согласилась, чтобы порадовать его. В конце концов, в притворстве нет никакого вреда. Странствуя соколом, я тоже заимствую чужое оперение. Так какая разница? Я всегда буду дикой смуглянкой из леса, сбросив с плеч чужую одежду и деля с Уильямом постель.

Уильям нашел мне в деревне служанку. Ее зовут Фиона. Бледно-розовая, красивая, она похожа на цветок примулы, без единого намека на дикость. Она должна прислуживать мне: заниматься моими волосами и одеждой. Я знаю: она ненавидит меня. Порой замечаю, как она смотрит на Уильяма, и почти вижу ее мысли: «Что он нашел в безымянной смуглянке? Чем она приворожила его?» Но Уильям не замечает ее взглядов.

– Фиона – хорошая девушка, – говорит он, – она научит тебя необходимому.

Меня это злит. С чего он решил, что эта девчонка может чему-то меня научить? Фиона умеет ловить лосось голыми руками? Или парить в небесах вместе с жаворонком? А может, взбираться по горам до орлиных гнезд? Она умеет наводить чары, что чернее темной ночи, чтобы украсть душу своего врага?

Уильям видит мой взгляд:

– Бедная Фиона. Ты же не завидуешь ей?

Я отворачиваюсь, не сказав ни слова.

– Этой дурочке? Этой бледной мягкотелой простушке? – сам себе вместо меня отвечает Уильям. – Этой вечно вздыхающей, глуповатой и жеманной девице, недостойной целовать мои ноги?

Меня смешит абсурдность его предположений. Дикий народ не завидует ручным существам. Как Уильяму пришло в голову, что у меня могут появиться подобные мысли. Я обнимаю его, смеюсь и говорю, как сильно люблю его.

Теперь Фиона ежедневно и ежечасно находится подле меня. Она будит меня по утрам, приходя с чашечкой горячего шоколада. Наливает воду для купания и ароматизирует ее лавандой и розовым маслом. Она берет книги из замковой библиотеки и помогает мне составлять из букв слова. Приносит одежду и драгоценности, принадлежавшие умершей матери Уильяма.

На мне бархатное багряное платье с нижними юбками из алого шелка. Мои волосы забраны сеточкой из драгоценных камней. Ступни стиснуты туфельками на высоком каблуке. На пальцах – кольца, все руки – в браслетах. В таком виде, по словам Уильяма, я могу жить в замке, не вызывая подозрений. В таком виде, по его словам, я выгляжу как леди, а не как смуглянка из леса.

– Но я и есть смуглянка из леса, – смеюсь я, невзирая на неловкость и беспокойство.

Однако Уильям не смеется вместе со мной. Он смотрит на меня очень серьезно и говорит, что я должна постараться. Слуги – подданные его отца. Именно он является лэрдом замка, и ему передают абсолютно все новости. Из-за него я должна одеваться как леди, иметь при себе служанку, уметь читать и пользоваться вилкой, не бегать, не кричать и не смеяться.

– Если бы ты по-настоящему любила меня, – говорит он, – то постаралась бы и отнеслась к этому серьезно. А ты воспринимаешь все как игру. Пойми: если отец

не одобрит мою возлюбленную, то оставит меня без гроша в кармане. Ты этого хочешь?

– Конечно же нет, – отвечаю я, но мое сердце сжимается. Почему ему так важны эти вещи? Стены замка, слуги и золото не сравнятся со свободой. Мы могли бы владеть болотами, озерами, горами и небесами. Могли бы жить вдвоем в лесу и быть всем друг для друга. Но я понимаю, что Уильяму будет не хватать уюта и комфорта его дома, очага и постели с шелковым покрывалом. И он так счастлив, что я сейчас рядом с ним. Мне не следует быть неблагодарной.

И все же, несмотря на то что слуги покорны мне и зовут меня своей леди, я знаю: они презирают меня. Вижу, как они смотрят на меня. А однажды я, будучи крысой, живущей в дырке возле двери кладовой, услышала, как один из поваров обсуждал меня с винных дел мастером.

– Она обычная шлюха, – сказал повар, – хоть и ходит в красивых тряпках и побрякушках.

– Говорят, она была ведьмой, – ухмыльнулся мастер. – Как иначе такая, как она, могла запустить когти в молодого господина?

– Молодому господину едва исполнилось девятнадцать. Мальчику необходимо сеять свое дикое семя, но не в отцовском же замке!

– Я слышал, он хочет жениться на ней, – заметил мастер вин.

Повар покачал головой.

– Мальчишеская блажь. Помяни мое слово, как только хозяин вернется домой, ее с пожитками сразу выставят за порог.

В ярости я оставила тело крысы и слилась с волком. Нашла в долине стадо овец и одной за другой перегрызла белые глотки. Это не принесло ни малейшего облегчения, хотя весь мой мех пропитался алой кровью невинных. А по возвращении в свое тело я поймала на себе любопытный взгляд Фионы. Служанка словно знала больше, чем собиралась сказать.

После этого я осторожничаю и странствую только по ночам. Мне тяжело. Ужасно не хватает прежней свободы. Но ради Уильяма я справлюсь с собой. Ради него я откажусь от всего, так же как и он ради меня, попроси я его об этом. А когда месяц роз достигнет своего пика и настанет день летнего солнцестояния, наша все возрастающая радость наполнит землю розами.

4

Сегодня день летнего солнцестояния[9 - В XXI в. выпадает на 20 или 21 июня.]. День, когда странствующий народ собирается на празднование зеленого месяца – не в крылатом или шерстяном обличье, а в собственных телах, темнокожих и диких, – и продает свои товары на ярмарке.

В ярмарочный день на городской площади будут фрукты, мед и ленты. Будут корзины и клетки с птицами. Будут зелья, волшебные заклинания и талисманы на привлечение истинной любви. Будут танцы на лугу, на которые придет даже деревенский люд, боясь и желая что-то купить, позавидовать, попрезирать, поглазеть на празднование странствующего народа.

Я ни разу не пропускала день ярмарки, но сегодня страшусь идти на нее. Предупреждения совы, вороны, пустельги и черного пса уступили место молчанию более зловещему, чем предостережения. Мне не объяснить им, как много для меня значит Уильям. Но Уильям хочет пойти на ярмарку. Хочет показать своей смуглянке город с его красивыми зданиями и каменными башнями. И служанка Фиона сказала ему, что нужно купить много вещей. А еще он обещал мне подарок, особый подарок с рынка.

– Но у меня уже есть драгоценности, платья, туфли, расчески и книги с картинками. Что еще мне нужно?

Уильям улыбается и объясняет, что все эти вещи принадлежали его матери, а у него же мало что есть. До совершеннолетия ему назначено лишь небольшое содержание. Тем не менее он хочет купить мне подарок, чтобы показать свою любовь.

– Позже я буду состоятельным мужчиной, – говорит он. – Я куплю тебе певчую птицу в клетке из ивовых прутьев. Куплю тебе пчелиный рой в медовом улье. Куплю тебе золотое кольцо и надену его на твой палец.

Чтобы это кольцо показывало миру, что Уильям – мой, а я – его. Так-то вам, замковый повар и мастер вин! Люди говорят: «Июньская невеста порывиста и великодушна». Я должна стать июньской невестой, станцевать на лугу в свадебной фате, осыпать всех лепестками роз и раздать детям свадебные пирожки. А селянки будут дивиться, почему из всех девушек Уильям выбрал дикарку.

Я беру Уильяма за руку и с улыбкой отвечаю:

– Конечно, любовь моя. – Мне хочется порадовать его, но также я хочу, чтобы все они увидели, как мы счастливы. Мы пойдем с ним под руку, как король и королева Зеленых Кущ: я – в красном бархатном платье, а он – в небесно-голубом жакете.

Черный пес безмолвно наблюдает за мной. Пустельга молча взмывает ввысь. Уильям зовет кучера, и мы садимся в карету вместе с его слугой и, конечно же, моей служанкой Фионой. По пути на рынок я напеваю про себя коротенькую песенку странствующего народа:

Спой песню звездного света,

Воронье племя чернокрылое!

Разгляди девушку смуглого цвета,

Одетую в чужое, постылое.

В зайчике шустром ее разгляди,

В рыженькой шубке лисы.

При летнем же солнцестоянии —

В пылких объятьях любви.

5

Город расположен в шестнадцати милях от замка: в двух часах езды быстрой рысью. День выдался теплым, и я потею в бархате платья. О, быть бы сегодня ланью на прохладных лесных опушках. Или выдрой в озере, или рыбой в реке. Но я не смею сейчас отправиться в странствия, не рядом с Уильямом и служанкой Фионой, следящей за каждым моим движением.

Я сижу, оглядывая окрестности и делая вид, что слушаю рассказы Уильяма о городе – городе, который знаю так же хорошо, как он, поскольку видела его много раз птицей, собакой и лошадью. Но я не могу признаться в этом, боясь предать свой народ. Возможно, когда мы поженимся, я все ему расскажу. Муж и жена делятся всем.

Наконец мы доезжаем до рынка, что раскинулся на мощеной площади с фонтаном, здесь сотни лавок борются за внимание покупателей. Разумеется, я сразу узнаю своих. Одна из наших продает ворон: почти всю жизнь она провела среди пернатых и теперь, если не считать проблесков седины в волосах, больше похожа на черную птицу, нежели на женщину. Другая продает талисманы и амулеты: гроздь колокольчиков, отпугивающих фей; птичью голову на ивовой ветви, исцеляющую от чумы; флакончик радужной воды, избавляющей от страданий. Еще одна, дряхлая, как сама старость, с дубовой коричневой кожей, изборожденной морщинами, точно древний боярышник – трещинами, продает нитки разноцветных бусин: бирюзовых, берилловых, аметистовых, кварцевых, жемчужных и рубиновых.

Уильям останавливается возле лавки старухи.

– Сколько они стоят?

Ее глаза блестят, как озера, и так же холодны.

– Для этой молодой леди бесплатно, – отвечает она. – Отданное в день солнцестояния, даром вернется нам сторицей. – Старуха протягивает скрюченную руку с бусами из тигрового глаза, коричнево-золотыми в солнечном свете. – Носи их, моя красавица, – шепчет она, застегивая на моей шее застежку. – Золото твоих глаз ярче и чище того, что посулил тебе он.

Я благодарю ее, хотя она встревожила меня. Старуха полагает, что Уильям может обманывать меня? Но я знаю его лучше. Мой возлюбленный искренен со мной. Она просто хочет напугать меня, но я не стану ее слушать. Я излишне громко смеюсь, делая вид, будто рассматриваю рулоны шелка. Нитка бус на шее душит меня, и я оттягиваю ее. Снова смеюсь и беру Уильяма за руку. Я пытаюсь не обращать внимания на дикие темные глаза, глядящие на меня из каждой лавки, на дикие темные лица, на которых написано обжигающее презрение…

Мы возвращаемся в замок молча. Уильям едет на коне. Шею Фионы тоже украшают бусы, только из кварца – белого, как подснежник. Уильям подарил их ей в благодарность за то, что она проделала с нами дальний путь. Меня это не беспокоит. Ее нитка бус – дешевка, столь же бесцветная, как и сама Фиона. И все же мне не нравится, с какой улыбкой служанка прижимает бусы к груди, словно вспоминая приятное прикосновение. Не нравится, как она смотрит на Уильяма из-под полуопущенных ресниц. Не нравятся ее волосы цвета примулы, напоминающие мне о деревенской девушке, которая повесила амулет на волшебное дерево.

А что, если это была Фиона? Я не видела лица девушки. Возможно, это она вышила имя Уильяма на шелковом лоскутке, просунула его в отверстие ведьминого камня и повесила на волшебное дерево. Фиона подозревает, что я украла его? Может, она потому и ненавидит меня?

Но если и так, что с того? Нас с Уильямом связала любовь. Мне ведомо его сердце, как ему – мое. Мне не нужны чары, чтобы удержать его, не нужен амулет, чтобы находиться рядом. Уильям будет верен мне. Что бы дальше ни случилось, он останется верен.

Июль

Месяц меда

В мае пчелиному рою цена —

Душистого сена гора.

В июне пчелиному рою цена —

Ложечка из серебра.

В июле пчелиному рою цена —

От жилетки худой рукава.

Пословица XVII в.

1

Мне бы заклясть возлюбленного шелком – красным, как летние розы. Заклясть его рунами – столь же тайными, как людские сны. Заклясть его боярышником, розмарином, плющом и жимолостью, вплетя их в амулет, дабы мой возлюбленный был мне верен.

Нет, я не сомневаюсь в Уильяме. Наша с ним любовь подобна горам. Подобна бурному морю. Подобна полуночному небу. Но меня все еще тревожат слова старухи, и я тоскую по свободе. Прошлой ночью я странствовала вместе с совой. Мы охотились на мышей, шныряющих в замковом сухом рву. Я не осмеливаюсь уходить далеко, боясь быть раскрытой. Но мне так не хватает горных пиков, холодных черных вод озера, леса и островков. Я скучаю по бескрайнему небу, солнцу и рвущейся из горла утренней песне.

Уильям по-прежнему не понимает, почему я не называю своего имени.

– У тебя должно быть имя, – однажды говорит он. – У всех божьих созданий есть имена.

Но я не одно из его созданий. Мой народ древнее твоего бога. Мой народ жил здесь, когда эти горы были льдом, а долины – потоками талой воды, стекающей с ледников. Назови любую птицу, любое насекомое, любого зверя – и я скажу тебе, что была ими всеми. У меня нет собственного имени, меня нельзя приручить и мной нельзя повелевать. Но ничего из этого я не могу сказать возлюбленному, заглядывающему в мои глаза с такой серьезностью.

– Ты зовешь меня своей красивой смуглянкой. Иного имени мне не нужно, – отвечаю я.

– Моему отцу так же звать тебя, когда он вернется с войны? И пастору на нашей свадьбе тоже говорить: «Я соединяю узами брака Уильяма Джона Мейкписа Мак-Кормака и… красивую смуглянку»?

«Июльская невеста прекрасна, но вспыльчива». Я не хочу быть вспыльчивой, но что ответить Уильяму на его поддразнивания и давление?

– У меня нет имени. Мой народ не нуждается в именах.

Однако в этот раз Уильям не отступает.

– Тебя зовут Аманда? – спрашивает он. – Аманда – значит «любимая». Или Айлса – «благородная девушка»? Или Мораг – «принцесса»?

– А Фиона? – хитро подхватываю я. – Что значит это имя?

– «Белая леди».

Могла бы догадаться. «Июльская невеста прекрасна, но вспыльчива». Я отворачиваюсь, чтобы Уильям не заметил мои хмуро сведенные брови.

Он смеется и заключает меня в объятия.

– Ты же не завидуешь бедной Фионе? Разве солнце может завидовать одуванчику? Разве звезды могут завидовать светлячкам?

Я мотаю головой.

Уильям снова смеется.

– И все же я не могу жениться на безымянной девушке. Я назову тебя Малмойра – «темная госпожа гор». Теперь у тебя есть имя, смуглянка. Теперь ты принадлежишь мне.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Праздник весны. Отмечается в ночь с 30 апреля на 1 мая. Считается ночью ведьм.

2

Здесь и далее стихи в переводе О. В. Павливой и Н. В. Павливой.

3

Собрание из 305 традиционных баллад Англии и Шотландии, составленное Фрэнсисом Джеймсом Чайлдом в конце XIX в.

4

Голубая луна – событие, когда за один месяц происходит два полнолуния. Голубая луна и есть вторая полная луна месяца.

5

Камень с природным отверстием. Его еще называют: «куриный бог», «собачье счастье», «счастливый камень».

6

Британский лесной дух, хранитель хвойных и лиственных лесов.

7

Землевладелец, лорд.

8

В XVIII–XIX вв. существовал обычай рассказывать пчелам о важных событиях в жизни их хозяина: рождении детей, свадьбах, отъездах из дома и возвращениях домой, о смерти и похоронах.

9

В XXI в. выпадает на 20 или 21 июня.

Купить: https://tellnovel.com/dzhoann-harris/karman-voron

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити